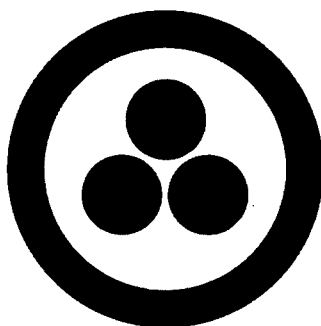

**ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»**

ВОСТОК – ЗАПАД НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

Часть первая

Санкт-Петербург
Рериховский центр
Санкт-Петербургского государственного университета
2007

ББК 70

Редакционный совет:

А.А. Бондаренко, Ю.Ю. Будникова, Л.С. Конова, С.В. Медведев,
В.Л. Мельников, К.И. Новосельский, Е.А. Трофимова,
В.Н. Троян (председатель), Ю.А. Ушаков, М.Н. Чирятьев,
Е.П. Яковлева

Ответственные редакторы

А.А. Бондаренко и В.Л. Мельников

ББК 70 **Международная научно-практическая конференция
«Рериховское наследие»: Том III: Восток – Запад на
берегах Невы.** – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. –
Ч. 1. – 576 с.

ISBN 978-5-8108-0307-2

*РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ БЛАГОДАРИТ Л.С. МИТУСОВУ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)
И МУЗЕЙ НИКОЛАЯ РЕРИХА (г. НЬЮ-ЙОРК) ЗА НЕИЗМЕННУЮ ПОМОЩЬ И СОДЕЙСТВИЕ.*

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 18-я линия, дом 1

Рериховский центр СПбГУ. Тел./факс: +7 812 323-08-85;

<http://www.spbu.ru/Science/Centers/RoerichCenter/>;

<http://www.roerich-heritage.org/>; <http://www.roerich-museum.org/>;

e-mail: info@roerich-heritage.org; office@roerich-museum.org; vm@roerich-museum.org.

© Рериховский центр СПбГУ, 2007

© Санкт-Петербургский государственный Музей-институт семьи Рерихов, 2007

© Международный благотворительный фонд «Рериховское наследие», 2007

ООО НТП «Фактор»

М.Н. КОЖЕВНИКОВА

(Музей-квартира П.К. Козлова, г. Санкт-Петербург)

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ИНСТИТУТА БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ИНБУК) АН СССР (1927–1930 гг.)

**Значение научных экспедиций школы
академика Ф.И. Щербатского**

История изучения Тибета в России, отмеченная рядом научных экспедиций Императорского Русского Географического общества (ИРГО) в Тибет и регионы тибетской культуры, а также опытом изучения тибетского языка – возникновением традиции его университетского преподавания, составлением учебника и словаря тибетского языка Я.И. Шмидта – к первой декаде XX в. увенчалась возникновением и расцветом академической школы тибетологии и буддологии академика Фёдора Ипполитовича Щербатского (1866–1942). В этот период российская академическая наука заняла лидирующие позиции в области мировой тибетологии. Как это стало возможным и что это означало, можно понять, обратившись, в частности, к рассмотрению феномена Института буддийской культуры АН СССР (ИНБУК).

В 1927 г. ИНБУК возник концептуально и организационно – как скоординированный проект, предложенный академиком Ф.И. Щербатским совместно с М.И. Тубянским и академиком С.Ф. Ольденбургом. «4 апреля 1928 г. на VII заседании Отделения гуманитарных наук Академии наук СССР академик Ф.И. Щербатский доложил об утверждении Советом Народных Комиссаров в составе Академических учреждений Института по Изучению Буддийской Культуры (Постановление СНК СССР от 13 марта 1928 г. “О составе научных учреждений Академии Наук СССР”) и о желательности принять меры к началу организационных работ Института. При

обсуждении доклада было положено просить Ф.И. Щербатского взять на себя временно исполнение обязанностей директора Института»¹.

ПРЕДЫСТОРИЯ

К этому времени академик Ф.И. Щербатской в результате своей активной научной, педагогической и научно-организационной деятельности собрал вокруг себя группу учеников и сотрудников-востоковедов, которая и получила наименование «буддологической школы Ф.И. Щербатского», на основе которой сделалось возможным возникновение Института в содержательном плане. Только О.О. Розенберг (1888–1919) выбыл из школы Щербатского, не перенеся тягот послереволюционного времени. Остальные составили штат будущих сотрудников ИНБУКа: тибетолог А.И. Востриков, ставший учёным секретарём по секции Тибета, тибетолог Е.Е. Обермиллер, получивший должность учёного секретаря по секции Монголии, синолог Б.А. Васильев, занявший место учёного секретаря по секции Китая и Японии, тибетолог Б.В. Семичов, принявший на себя обязанности учёного секретаря по секции Индии. Индолог-тибетолог М.И. Тубянский, представлявший одного из идеологов создания Института и неотъемлемое связующее звено ИНБУКа в Монголии, в штат не вошёл, находясь в Монголии и являясь там учёным секретарём Монгольского Учёного Комитета. Кроме того, в штате состояли: научный сотрудник II разряда Д. Мункуев, затем Ц.Ж. Жамцарано; технический сотрудник Л. Санчиков, затем Козеровский; служащий А.Ф. Елоина; временный консультант профессор Д. Косамби (Индия).

В научном плане деятельность сотрудников Щербатского, по сути, разворачивалась и до формального образования ИНБУКа в тех же направлениях и по тем же программам, что начала разворачиваться после его создания – и это были программы, определённые интеллектуальными интересами и научным опытом самого академика Щербатского:

- 1) Прежде всего – сфера буддийской теории познания и логики в контексте общеиндийской истории мысли²;
- 2) Учения Махаяны³ и история развития философских школ буддизма Махаяны⁴;
- 3) Абидхарма, теория дхарм – «элементов бытия»⁵.

В плане деятельности ИНБУКа значатся все эти направления. Как сложились эти направления у самого Щербатского?⁶

Изначально Фёдор Ипполитович двигался в своём изучении буддизма от академической европейской школы, опирающейся на письменное изучение санскритских текстов. Индийскую филологию он изучал у Г. Бюллера в Вене, а индийскую философию у Г. Якоби в Бонне, и именно Якоби исследовал логику, открыв для современных исследователей-индологов своей работой «Die Indische Logik» (Göttingen, 1901) целую область логических трактатов и диспутов древнеиндийских учёных разных школ, включая буддистов. В 1902 г. появились исследования Щербатского по логике⁷. В своей работе Щербатской направил интерес на ключевые в этой сфере буддийские тексты: прежде всего, на логические и эпистемологические работы Дигнаги, Дхармакирти и комментарии его учеников. Кроме того, сфера теории пра-

вильного познания (санскр.: *прамана*), столь важная для методологии самой буддийской традиции, была сферой, общей для философских систем разных традиций и культур – здесь отсутствовал религиозный эзотеризм, и присутствовала философия в чистом виде. Щербатской, занимавшийся ранее изучением западной философии, а затем философских текстов Древней Индии, тяготел к этой сфере особенно. Помимо логики, в ряду буддийских текстов также его внимание привлекли ставшие известными на Западе к этому времени махаянские сутры⁸.

Начав изучать тибетский язык примерно в 1902–1903 г. в Петербурге, Щербатской соприкоснулся с живой буддийской традицией, точнее – тибето-монгольской системой монастырского образования, благодаря бурятскому тибетологу Б.Б. Барадийну. Как можно судить по переписке и рукописям тех лет, на этом этапе в круг ранее определённых Щербатским для изучения важнейших буддийских текстов попадают те индийские тексты, которые считались первостепенными по популярности в Тибете: «Бодхичарьяаватара» Шантидевы, «Абхисамаяаламкара» Асанги-Майтрейи. Тогда же в качестве основы для изучения истории буддизма Щербатской определил популярную в монастырской среде историческую работу Будона Ринпоче.

С этого времени Фёдор Ипполитович стремился к изучению буддийской философии по традиционной индо-тибето-монгольской системе. Здесь открывались перспективы задавать вопросы не прошлым векам, но живым учёным – и получать ответы, искать толкования на интересующие темы, а также находить незнакомые, не читанные ранее тексты. Тогда же, в 1903 г., через Барадийна из Агинского дацана Щербатской впервые получил тексты Дхармакирти на тибетском языке – «Праманавартиту» («Ясное объяснение теории правильного познания»), «Ньяябинду» («Буддийский учебник логики»), автокомментарий Дхармакирти на первую главу «Праманавартити» и на «Ньяябинду», а в 1904 г. у него появился тибетский текст истории Будона – от Г.Ц. Цыбикова и из Агинского дацана от Барадийна, с добавлением текста жизнеописания («намтара») Будона – для включения в будущее издание.

Барадийн передал российскому востоковеду сведения о традиции изучения теории правильного познания («праманы»), идущей от Дигнаги и Дхармакирти через учеников, по сочинению тибетского учёного монастыря Гоман *Khu rin po che'i gsol debs 'grel pa*. Сам Барадийн в Аге занимался историей философии («сиддханта»), по его словам, «под руководством своего давнишнего Учителя»⁹, которого он по просьбе Щербатского хотел пригласить в Петербург. В 1904 г. стараниями Барадийна такие возможности возникли – бурятский лама Зурбайн приехал в столицу Российской империи. В тетрадах Щербатского в эти годы появляются краткие заметки, относящиеся к тибетским терминам, выражающим основные буддийские понятия – из сферы Абхидхармы (начиная с самого термина «дхарма») и из философии четырёх школ, а также из теории буддийского пути (начиная с термина «бодхичитта» и кончая термином «нирвана», с её различными видами и трактовками).

В 1905 г. Щербатской посетил монастыри Забайкалья и Ургу для встречи с Далай-Ламой. Последующие годы он продолжал стремиться к сотрудничеству с бурятскими ламами (судя по переписке с Барадийном), но подобных 1904-му году условий для обучения уже не возникнет¹⁰.

Потом мировая война. Потом революция. Потом гражданская война, разруха, проблемы физического выживания, стоявшие перед российской, и особенно – петербургской интеллигенцией. Процесс воссоздания Академии наук и определения заново места и статуса буддологии в науке СССР.

Все эти годы Щербатской жил мечтой о переводе и исследовании «Праманавартики» – главного текста по буддийской теории правильного познания, и других работ Дхармакирти. Он подступался к тексту «Праманавартики» с разных сторон, разбирал из него цитаты, содержащиеся на санскрите в работах других авторов Древней Индии (прежде всего, Вачаспатимишры), выяснял значение упоминаемых в других произведениях тем «Праманавартики». Однако перевод так и не был сделан, даже частично.

Главной проблемой для Щербатского, имевшего основным своим языком санскрит, было отсутствие санскритского текста «Праманавартики». Бадзар Барадийн передавал вопросы своего почтенного учителя санскрита бурятским ламам и отписывал обратно Щербатскому ответы, толкование структуры заветного текста, исходя из текста «Праманасамуччая» и так далее, однако сам на подвиг перевода подобного текста с тибетского языка не был способен.

И, наконец, у Фёдора Ипполитовича выросли ученики, обученные в университете им самим, приступающие к переводам авторитетных текстов с тибетского. Этот период подготовил возможность появления ИНБУКА.

ИНБУК КАК ЗЕРКАЛО СВОЕГО ВРЕМЕНИ. СКОРЛУПА ЦИКАДЫ

Добившись создания ИНБУКа в 1928 г. (идея ИНБУКа была обнародована ещё в 1927 г., тогда же были предприняты первые организационные усилия), Щербатской неминуемо столкнулся со всеми теми бюрократическими прелестями жизни официального учреждения, которые были столь красноречиво описаны бессмертными авторами хроники деятельности «конторы по заготовлению рогов и копыт». Не успел Институт формально создаться, как на его голову посыпались циркуляры, запросы, распоряжения и требования отчётности. Документация приходила на имя академика Щербатского, ответственность за отписки и представительство была возложена на учёных секретарей – Вострикова и Семичова. Рассмотрим некоторые наиболее показательные письма ИНБУКа за начало 1930 г.¹¹

От 2 января: «Циркулярно. По имеющимся сведениям УД АН известно, что ряд служащих АН имеют у себя в руках огнестрельное оружие и боевые припасы к нему. Управление Делами АН просит в кратчайший срок путём опроса собрать сведения о таковых по прилагаемой при сём форме...».

Телефонограмма № 6: «Секретариат АН извещает, что 10, 11 и 12 с[его] м[есяца] Заведующий учёными и учебными учреждениями при ЦИК СССР А.В. Луначарский и его заместитель и секретарь совместно с Президиумом АН начнёт знакомиться с учреждениями АН, в том числе и с Вашим. Просьба не отказать во всестороннем содействии и скорее сообщить, кто будет уполномочен давать разъяснения по Вашему учреждению. Осмотр начнётся приблизительно в 13 ч[асов] 10/1, подробные сведения будут сообщены дополнительно. Заведующий секретариатом *Зеленко*».

От 21 февраля: «Циркуляр. Прошу Вас представить инструкцию по Вашему учреждению для представления её в Комиссию по выработке нового Устава АН СССР, заседание которой состоится 28 февраля с/г. Инструкция должна представлять собою перечень задач учреждения и работ, им обычно выполняемых в служебное время. Последний срок представления инструкции 25 февраля с/г. И. о. неперменного секретаря академик – *Комаров*».

От 2 марта (копия письма): «Неперменному секретарю АН. 11-го сего января отправлена была мною в БЮК для пересылки в Бенарес, Индия, рукопись, работа, исполненная по просьбе Benares Hindu University. 2-го сего марта я получаю телеграмму о том, что эта рукопись ещё не дошла. По справке оказалось, что она пролежала 40 дней у Неперменного Секретаря. Я надеюсь, секретариат не откажет объяснить причину такого непонятного для меня явления. Директор *Ф. Щербатской*».

Телефонограмма от 2 марта: «Всем учреждениям АН СССР. Секретариат АН ставит Вас в известность, что 3.III в 7 ч. вечера в Б[ольшом] Конференц-зале состоится общее Собрание академиков и всех работников Академии для подписания договора по социалистическому соревнованию Украинской и Белорусской Ак[аде-мий] наук. Просьба оповестить всех сотрудников и обеспечить их присутствие на означенном собрании. Зав. секретариатом *Зеленко*».

Телефонограмма от 17 марта: «Учёному Секретарю ИНБУКа. Секретариат просит договор о соревновании между учреждениями раздать под расписку и лист с распиской возвратить. *Зеленко*».

Телефонограмма: «Срочно. Для Госплана представить в Секретариат АН СССР в самом срочном порядке и ни в коем случае не позже 25-го марта с. г. следующие данные <...>. Зав. Секретариатом – *Зеленко*».

От 21 марта: «Циркулярно. Согласно постановлению Правительственной Комиссии при СТО об упорядочении работы предприятий, Управление делами АН просит Вас ввести с 1-го апреля единый производственный табель-календарь и препроводить таковые в УД АН. При составлении графиков необходимо иметь в виду, что год считается в 360 дней (5 революционных дней в расчёт не принимаются) и первым днём пятидневки устанавливается 1-е апреля».

От 29 апреля: «Циркулярно. Ввиду неоднократно имевших место случаев позднего сообщения учреждениями сведений о неявке сотрудников на работу по болезни и т. д., что крайне затрудняет работу Счётного стола, Управление делами АН СССР предлагает ежедневно давать в УД АН сведения о не явившихся в предыдущий день на работу сотрудников Вашего учреждения».

На фоне бюрократии контраст составляют содержательные документы, отражающие собственные интересы Института: докладная записка по поводу планов на пятилетие 1930–1934 гг., упоминающая в качестве специальной задачи ИНБУКа «изучение Абхидхармы (литературы по космологии и онтологии)» и предлагающая «организовать в 1934 г. Всесоюзный съезд учёных по вопросам буддийской культуры»; документы трудовых договоров со студентами ЛГУ Н.П. Ярославцевой и К.М. Черемисовым по разнесению на карточки тибето-монгольского словаря. Под сном бюрократических запросов и отписок ИНБУКа как учреждения теплится и

просвечивает реальная научная, интеллектуальная жизнь, по содержанию, направлению развития и интенсивности не зависящая от внешней формы своего существования – власти, времени, порядков, как не зависит от скорлупы поющая цикада, сбрасывающая при необходимости потребную ей прежде защитную оболочку.

Особое место в переписке занимают письма, связанные с экспедициями ИНБУКа.

От 24 мая 1930 г.: «В Комиссию Экспедиционных Исследований. Препровождая при сём заявление учёного секретаря секции Монголии Е.Е. Обермиллера о предоставлении ему командировки в Бур-Монголию с выдачей необходимых при сём денежных средств, ИНБУК всемерно поддерживает означенное ходатайство. *Ф. Щербатской*».

От Академии Щербатскому по поводу экспедиций поступали политико-бюрократические требования советского образца, как, например, от 25 марта 1930 г.: «Руководителю Бурято-Монгольской экспедиции Щербатскому. Всем руководителям экспедиций. На основании циркуляра УД Академии наук СССР от 27/1-30 г. № 103, КЭИ¹² сообщает, что Ваши заявки по личному составу рассматриваться Президиумом КЭИ не будут без предоставления требуемых анкетой сведений (см. приложение). Кроме того, необходимо предоставление жизнеописания с указанием общественного опыта. Председатель академик *Бартольд*. И. о. учёного секретаря *Щербаков*».

Экспедиции ИНБУКа направлялись преимущественно в буддийские монастыри Забайкалья (исключение составила поездка Васильева в Киргизию для изучения дунган). Востриков работал в Агинском дацане, Обермиллер – в Ацагате. Для улучшения впечатления, чтобы эти экспедиции не казались начальственным органам избыточными, сидение Вострикова в Аге для КЭИ обозначались как «Археографо-этнографические экспедиции в Бурято-Монгольскую АССР под руководством Вострикова для исследования дацанов», а пребывание Обермиллера в Ацагате – «Научной поездкой в БМ АССР для собирания терминологических, исторических и медицинских материалов».

В действительности, экспедиции состояли в том, что Фёдор Ипполитович высылал учеников-сотрудников, представлявших для него как мозгового центра своего рода органы восприятия, к монахам-учёным для работы с их помощью над интересующими Щербатского текстами и вопросами.

ЭКСПЕДИЦИИ: РЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИНБУКА. ПРИЕЗД В МОНАСТЫРИ

О том, в какую ситуацию попадали сотрудники Щербатского, приезжая в Забайкалье, можно судить по первому письму Андрея Ивановича Вострикова к Щербатскому из Агинского дацана¹³ от 20 июня 1927 г.: «Дорогой Фёдор Ипполитович, прошло уже более недели с тех пор, как я приехал сюда, но я всё ещё не успел как следует здесь осмотреться. Мне сильно мешает то, что я совсем почти не знаю монгольского языка и мне приходится объясняться больше знаками. Знающих русский язык здесь – два-три человека, да и те знают его плохо. Добрался я сюда вполне благополучно. Только всю дорогу – почти до Читы – было очень холодно. Между Омском и Новониколаевском даже выпал снег. Вагон не топили, и потому пришлось

надеть все свои тёплые вещи, чтоб не мерзнуть. Здесь я устроился очень хорошо. Комнату мне дали в большом доме Ширетуя-ламы¹⁴ – комнату очень большую, в пять окон, светлую и чистую».

В другом письме Востриков писал: «Жить мне здесь почти ничего не стоит, потому что Ширетуй отказывается брать с меня деньги, и я покупаю здесь только кумыс да книги. Никак не придумаю только, что бы мне подарить Ширетуя-ламе в благодарность за его любезность и гостеприимство. А то так неловко. Я отдал ему и окружающим меня ламам кое-какие бывшие со мной пустяковые вещицы, которые ему почему-то понравились, но всё это ничтожно. Кроме того, я передал ему Ваш хадак¹⁵» (27 июля 1927 г.).

Ученики Щербатского, изучавшие в университете санскрит и тибетский, попадая в бурятские монастыри, где вожделенные тексты и знания были так близки, оказывались в силу языкового барьера в положении крыловской лисы с виноградом. В письмах Вострикова эта проблема описывается красноречиво: «...Работа подвигается очень медленно, и мне думается плохо, постоянно я никак не могу сговориться с моим Габжу¹⁶ Жамцарановым. Потому что ни по-тибетски, ни по-монгольски говорить я не могу. Теперь поэтому я изо всех сил стараюсь научиться болтать по-монгольски, но пока толку очень мало – может быть, оттого, что мало времени ещё прошло. Но меня, всё же, убивает моя крайняя беспомощность в этом отношении и необходимость заниматься монгольским языком в ущерб работе над Pramanavarttika. Но я думаю, что мне, всё же, надо работать над монгольским языком – разговорным, конечно, – и надо именно здесь, потому что здесь это будет легче для меня сделать» (письмо от 20 июня 1927 г.).

Своему пребыванию в буддийском монастыре Востриков старался создать какое-то оправдание и пытался быть полезным монахам тем способом, на который он был способен. Он предлагал им свою помощь в изучении санскрита, о чём писал Щербатскому: «Наполовину по-русски, наполовину по-монгольски, я стал заниматься с ламами санскритом. Желающих оказалось так много, что Ваших книг не хватило, и остальным я сам написал алфавит и проч. Между прочим, изъявили желание заниматься санскритом и такие лица, как Габжу Жамцарано и другие, да и вообще большинство “учеников моих” – либо кончают, либо начали изучать уже Дул-ва¹⁷. Так что народ всё значительный. Не знаю, как дальше будет, но пока они занимаются усердно: переводят мало-помалу санскритские упражнения Бюллера на тибетский язык».

ВСТРЕЧА АКАДЕМИЧЕСКИХ ПЛАНОВ С РЕАЛЬНОСТЬЮ ЛАМ

Каковы же были, насколько можно судить по архивным материалам, конкретно поставленные Щербатским перед учениками задачи?

Едва прибыв в Агинский дацан, Востриков отчитывался учителю: «...Был в здешней типографии и заказал для Вас и для себя Да-йиг¹⁸. Несколько дней назад я начал работу над Pramanavarttika. <...> С грехом пополам читаю *mam 'grel*¹⁹ с тибетскими комментариями». И относительно «Праманавартики» (*mam 'grel*) Востриков ставил весьма далеко идущие цели. Он писал: «Относительно добычи санскритского *mam 'grel* – всё время здесь агитирую, но пока что ответы все получал пессими-

стические. Здешние ламы видят только две возможности: либо через Доржиева воздействовать на Далай-Ламу, чтобы тот распорядился выдать нам самую рукопись, которая, как уверяют монахи, есть и в Радэне, и в Самье, либо ехать в Тибет мне самому. <...> Меня, каюсь чистосердечно, такая перспектива очень соблазняет».

Сверх «Праманавартики» Востриков стремился изучать и другие фундаментальные тексты по теории правильного познания: базовый текст самого Дигнаги «Праманасамуччая» (на который и был написан комментарий – «Праманавартика»), сохранившийся на тибетском языке, – и заказал переписку этого текста сразу для себя и Фёдора Ипполитовича; а также «Pramana Vinisaya» – другой логический текст Дхармакирти, представляющий сравнительно с «Праманавартикой» сокращённое изложение идей Дхармакирти. По поводу этих текстов шло постоянное обсуждение с учителем – академиком Щербатским, который шёл в своих исследованиях от санскритского текста Вачаспатимишры, содержащего обильные обращения к буддийским текстам и цитаты из них. Востриков должен был производить сверку, выборку и зачастую перевод соответствующих цитат по тибетским текстам.

Евгений Евгеньевич Обермиллер готовился к поездке в Ацагатский дацан ещё в Ленинграде, рассчитывая силы на выполнение своей задачи, и сообщал потом Щербатскому в письме²⁰ из Забайкалья: «Перед своим отъездом я особенно налегал на Haribhadra²¹, почерпнув из него очень многое, что мне будет теперь же нужно при чтении Дигнаги <...>. До приезда Чойдага²² буду понемногу просматривать намтар Будона²³, чтобы сразу, не задерживаясь, выяснить с ним все трудные места» (письмо от 9 июня 1928 г.). Его задачами были те же давно определённые имена: Дигнага, основоположник буддийской логики, его классический текст – комментарий на махаянскую сутру Праджняпарамиты, то есть труды по буддийской философии; и Будон, его текст «Истории буддизма» и его биография.

Посланные академиком Щербатским ученики прибывали в Забайкалье с готовыми заданиями и академической школой за плечами. Бурятские ламы же, на которых теперь возлагалась надежда и ответственность за компетентное курирование воплощения научных буддологических планов Щербатского в жизнь, имели своё, зачастую совершенно иное представление о месте искомых текстов в контексте индо-тибетской философской литературы. Для них авторитетные тексты не пребывали в неосвоенном пространстве истории философии, высясь некими отдельными запредельными пиками, требующими подвига научного восхождения, но были неотъемлемой частью плотно сотканной ткани всей традиции буддийского индо-тибетского образования. По представлению бурятских лам, получавших знакомство с авторитетными текстами буддийской философии в процессе своего обучения в Тибете, эти тексты относились к определённому уровню, тому или иному курсу и изучались с опорой на те или иные тексты, с применением известной методики (выучивания наизусть формальных определений, дебатирования определённых положений и т. д.). Поэтому, в ответ на поступающий от западной буддологии запрос, они предлагали ученикам академика Щербатского лучшее, что могли: опробованную систему образования (хотя бы в сокращённом варианте), подводящую к необ-

ходимым уровням, на которых требуемые тексты должны были находиться, и методологически проработанные комментарии.

Учителем Вострикова в Агинском дацане был монах, о котором Андрей Иванович писал Щербатскому: «Я всё время здесь ищу такого ламу, который мог бы пригодиться нам в Питере по части *tam-grel* и *tshad-ma*²⁴ вообще. Знатоков здесь было много, но моё такое впечатление, что, хотя они и говорят, что знают *tshad-ma*, на самом деле они здорово позабыли и то, что читали-то, а ведь никто здесь не читал *Devendrabbuddhi*. Поэтому мой выбор остановился пока на моём здешнем бакши²⁵ Галдане Габжи Жамцарано. Он здесь считается большим знатоком, хотя говорят, есть и ещё бакши, но у него есть то преимущество, что он, кажется, чуть ли ни единственный в дацане до сих пор читает литературу по *tshad-ma*. Не знаю, поедет ли он, потому что сейчас он изучает Жуд²⁶. На меня он произвёл прекрасное впечатление, впечатление со светлой головой, очень старательного и скромного. Было бы хорошо привезти его в Петербург. Впрочем, я буду искать ещё. Пока же это самый лучший».

Притом, что «ламы не читали Девендрабуддхи», то есть первого комментатора глав «Праманавартики», они (прежде всего, сам Габжи Жамцарано как главный авторитет для Вострикова) предлагали ему методологически освоенную в тибетской традиции альтернативу. Сам Востриков писал следующее: «Мне особенно рекомендуют здесь два комментария – один Жалцаба²⁷ *thar lam gsal byed* и другой Жамьяна Шадбы *mtha' dpyod*. Но они для меня сейчас очень трудны».

В Ацагате Обермиллера наставлял лама Чойдаг, о чём Евгений Евгеньевич писал Щербатскому: «Глубокоуважаемый и дорогой Фёдор Ипполитович, не сердитесь на меня, что я так долго не писал Вам, но у меня положительно не было возможности, ибо всё это время прошло у меня в самой напряжённой работе. Программа вышла гораздо больше, чем предполагали Вы, и я сейчас подробно расскажу, как и почему. Когда приехал мой драгоценнейший Чойдаг, он мне сразу сказал, что считает невозможным сразу же приступить к чтению такого текста, как *Pindartha*²⁸ Дигнаги. По его мнению, нужно пройти систематический курс Парчина, как его преподают в дацанах. Помня Ваши слова, что такой курс был бы весьма и весьма желателен, я, конечно, с радостью согласился. Программу Чойдаг первоначально наметил следующую: 1) Дуйра (*bsdus-grwa*) Лабранского Агван-Дашия (ученика Джамьяна Шадбы), 2) Ло-Риг, 3) Даг-Риг (*rtags-rigs*), 4) Са-лам Лабранского Джигмед-Вангбо (*jig-med-dbang-po*) и, наконец, только *Pindartha*» (письмо от 10 августа 1928 г.).

Востриков же, со своей стороны, начав работу над «Праманавартикой», сам сформулировал проблемы следующим образом: «Особенно же меня печалит то обстоятельство, что я совершенно не знаю тибетских определений философских понятий. Без них можно было бы обойтись, если бы я знал хорошо тибетский язык, но я тибетский язык знаю плохо, а определения же не знаю совсем. А без этого я не в состоянии обсудить, как следует, не в состоянии добиться от моих лам настоящих объяснений. И я всё больше чувствую, что мне необходимо здесь последовать примеру лам и просто-напросто вызубрить наизусть *bsdus grwa rtags rigs* и *blo rigs* и потом со здешними монахами хувараками устроить нечто наподобие *chos rgwa*. Иначе работа над *tam 'grel* будет зачастую сводиться к тому, что лама будет выписывать

на бумажку по-тибетски те же самые определения, которые находятся в *rtags rigs* – ничуть не больше. И в результате много времени будет потеряно зря. Поэтому я и хочу, помимо основной и главной работы над *nam 'grel*, которую я не брошу ни за что, заниматься ещё и такими текстами, которые, если бы мне удалось их выучить, очень помогли бы мне в моей работе над *nam 'grel*. <...> Каждый следующий день для меня здесь интереснее предшествующего, так как я с каждым днём, хотя понемногу, всё больше овладеваю средствами для главной работы, а от этого и главная цель начинает становиться всё менее запутанной и непонятной. А потом, я чувствую, что, возвратившись в Питер, я должен буду все свои силы сосредоточить на *Vacaspati*²⁹» (письмо от 27 июля 1927 г.).

Таким образом, вместо работы по намеченной программе (изучение «Праманавартики» в сопровождении других коренных логических текстов в соотнесении с санскритским текстом Вачаспатимишры) Востриков склонялся к тому, что предлагал ему бурятский учитель. В данном случае и Обермиллер, относительно своей программы обучения у ламы Чойдага, и Востриков, по опыту своих занятий у ламы Жамцарано, говорили о необходимости прохождения начальных курсов буддийской программы – *bsdus grwa* (Дуйра – краткий курс буддийских понятий), *rtags rigs* (Тариг – логика, основы диспута) и *blo rigs* (Лориг – основы психологии, теории сознания и эпистемологии – теории правильного познания) – и о необходимости опоры в дальнейшем на комментарии тибетской традиции.

Обермиллер взялся за изучение рекомендованных курсов и отозвался об этом так: «Относительно первого из этих сочинений [т. е. текста Дуйра Агван-Дашия. – М. К.] могу сказать, что оно мне принесло очень большую пользу, тем более что дало мне в чёткой ясной форме определения многих необходимых терминов и полные перечисления <...> понятий. После того, как мы посидели над Дуйра и всё время при этом упражнялись в тальчире [формулах логического вывода. – М. К.], мы приступили к Ло-Ригу. Здесь довольно много мне было уже известно по *Nyayabindu*³⁰, но очень многое я встретил впервые».

В Ацагате Обермиллер исписал две толстые общие тетради конспектами определений понятий по Дуйра и переводом текста Лорига³¹. В дальнейшем выписки из обермиллеровского перевода вошли в работу Щербатского по буддийской логике.

Востриков в следующем году писал: «Занимаюсь я сейчас ещё и по *bsdus grwa*, ибо чувю, что чем дальше, тем больше становится это мне необходимым для бесед с ламами – пожалуй, не меньше, чем монгольский язык. Пока что дело даётся не так быстро, как хочется, но если дальше пойдёт лучше, то из этой работы может выйти статья, если не целая книга и причём по вопросу новому и, в сущности, очень важному для чтения и проникновения в самую суть и строй тибетской комментаторской оригинальной литературы» (письмо от 21 августа 1928 г.).

НАУЧНЫЕ ПОДВИГИ В МОНАСТЫРЯХ

Что касается основных направлений работы, то Обермиллер от намеченного текста Пиндартхи Дигнаги сделал-таки шифт в сторону предложенных его ламой традиционных образовательных текстов. Он писал Щербатскому: «Вы говорили, что одной

из ближайших моих задач должна быть подготовка статьи (предварительной) по Парчину³². В связи с этим я думаю: было бы очень хорошо одновременно издать перевод Салама³³ и его тибетский текст, тем более, что он не длинный. <...> После этого, наконец, настал момент приступить к Pindartha. Но тут мы натолкнулись на непреодолимые препятствия. <...> Решили заполнить пробел тем, что взяли читать часть текста *gser-phreng* Дзонхавы, где разбирается понятие относительности и её 20 видов. Та выписка, которую я сделал весной из Haribhadra и о которой я писал Вам в своём первом письме, нам очень пригодилась, ибо Дзонхава излагает совершенно так же и даже с теми же примерами; очевидно, у него прямо взято оттуда. Глубокоуважающий и благодарный Е. Обермиллер. Ацагат, Аршан» (письмо от 10 июля 1928 г.).

Евгений Евгеньевич не только высказал пожелание о возможном издании Салама, но и приступил к его изучению по тексту Джигмед-Вангбо, завершил курс и сделал перевод (остался неопубликованным). Трактат «Золотые чётки» *Legs bshad gser pyi phreng ba* ламы Цонкапы, о котором он писал Щербатскому, Обермиллер вскоре «приобрёл <...> и увидел, что, действительно, в нём содержится весь нужный материал» (из письма А.И. Вострикова к Ф.И. Щербатскому от 12 сентября 1928 г.). Далее, он строил свой следующий план – опять-таки, в полном соответствии с традицией: «На днях мне достанут ещё сочинение *don dun cu*³⁴, представляющее собой краткое изложение всех сюжетов *Abhisamayalamkara*. Тогда у меня будет всё, что нужно. <...> Вы, может быть, будете сердиться на меня, что я вместо намтара³⁵ дал готовую статью по Парчину, но мне непременно хотелось это сделать под свежим впечатлением занятий с Чойдагом. Я надеюсь, что, возвратясь домой, я смогу в скором времени восполнить пробел». В этом же письме снова упомянута работа Цонкапы «Золотые чётки»: «По Джамьяну Шадбе лучшим из тибетских толкований [на «Абхисамаяаламкару». – М. К.] является *gser phreng* Дзонхавы». Позднее Обермиллер приобрёл ещё и собрания сочинений (сумбумы) учеников Цонкапы – Гьелцаба и Кэдуба. О них он упомянул в письме от 2 августа 1930 г.: «Просматриваю некоторые вещи из сумбумов. Вы ведь знаете, что я весной начал “Введение к анализу” по Парчину. Так как у меня до сих пор не было сочинений Жалцаба и Хайдуба на данную тему, то я боялся, что упустил или не замечу чего-нибудь важного».

Итак, перевод Пиндартхи, составлявший первоначальную задачу, сделан не был. Зато перевод Дондунчу и материал, прослушанного у геше Чойдага курса и исследованных комментариев составили отдельную книгу Е.Е. Обермиллера³⁶.

Изучение трактатов Цонкапы не входило в намеченную в Петербурге программу. В 1928–1930 гг. Щербатской проявлял больше интереса к поиску материалов по истории философии Индии – он сам активно работал над переработкой своего базового труда, посвящённого буддийским учениям по логике и теории познания, в итоговое издание «*Buddhist Logic*»³⁷, и в плане историко-сравнительного анализа философских систем его надежды на Обермиллера связывались с переводом «Истории буддизма» Будона и дальнейшими исследованиями по истории философии, поэтому, со своей стороны, он выказывал настойчивую заинтересованность в работе Обермиллера над индийским сочинением «Таркаджвала»³⁸. В рамках обсуждения планов он писал: «Дорогой Евгений Евгеньевич, я и ожидал, что ламы Таркаджвала

не читали, поэтому они отлынивают³⁹. Я полагаю, что соответствующим материалом тибетским будет большая *Dub-mthah*⁴⁰ Жамьяна, а не *ram-bshad dgongs-pa-rab-gsal*. Но это только моё предположение, сам я сличаю Таркаджвала (но она очень повреждена) – и том материалов по истории брахманских философских систем Васильева. Делайте, как хотите, важно – прочтите сами, хотя бы и очень cursorно, Tarkajvala и отмечайте себе в тетради всё, что найдете там о Санкья, Ньяя, Вайшешика, Джайна⁴¹ и др. <...> А затем читайте, если хотите, Цонкапу, но тут, я думаю, в Мадхьямике⁴² вряд ли Цонкапа нам даст много нового» (письмо от 5 июля 1930 г.).

Щербатской настоятельно рекомендовал: «Пока изучайте текст Tarkajvala и *Dub-mthah* Жамьян Шадба, делайте rough translation [грубый перевод. – М. К.], отмечайте все неясные места. Так как это сочинение вроде истории философии Индии, то, несомненно, оно вызовет большой интерес на Западе, где ведь главным образом интересуются вопросами историческими и политикой. Вы создадите себе солидную рекомендацию в должных кругах. <...> Вот главная линия работы – текст Таркаджвала, а остальное попутно, когда увидите, что необходимо» (письмо от 19 июня 1930 г.).

Однако Обермиллер следовал иной главной линии – читал трактаты Гьелцаба, Кэдуба и «Золотые чётки» Цонкапы. Что касается Таркаджвалы, в неопубликованных работах Щербатского остался перевод Таркаджвалы, сделанный, по-видимому, не без участия Е.Е. Обермиллера. Исследования по Таркаджвале Евгений Евгеньевич делать не стал. Однако исследования учений Праджняпарамиты по «Абхисамаяламкаре» принесли его имени мировую тибетологическую, буддологическую известность. Кроме того, издание пионерского перевода трактатов Цонкапы, сделанного Обермиллером на английский и немецкий языки на 50 лет раньше, чем это произошло в США, многое бы добавило ещё к этой известности. Но переводы остались неопубликованными.

Андрей Иванович Востриков в Агинском дацане начал осуществление давней мечты Ф.И. Щербатского – он приступил к переводу «Праманавартики» Дхармакирти с тибетского языка. О темпах и состоянии работы он писал своему наставнику следующее: «Вчера просматривал свой перевод начала 1-го леу⁴³, который я сделал *ещё в прошлом году* [выделено мной. – М. К.], и теперь отделяю заново – я написал там все эти цитаты...» (из письма 27 мая 1928 г.). 21 июля 1928 г. Востриков сообщал: «Моё здоровье сейчас довольно сносное, и потому работать я стараюсь всюю. Но не могу сказать, чтобы дело двигалось быстро. Первое леу начерно сделано более или менее, но ещё много работы нужно будет уложить на его отделку. В сущности, это текст адской трудности. Некоторые места в *rang grel*⁴⁴ для меня до сих пор всё ещё остаются тёмными.

Работаю я, главным образом, над *thar lam gsal byed*’ом Жалцаба. Из тибетских комментариев на PV это, пожалуй, самый хороший, хотя в то же время и самый трудный. Работать над одним *rang 'grel*’ом для первого леу не было никакой возможности – потому что ламы его почти не читают, а разбираться одному трудно очень. Ведь этот текст такой же лаконичный, как и Mula⁴⁵. Для остальных леу я думаю положить в основу этот же *thar lam gsal byed*, читая, насколько позволят мне мои силы и способности, ещё и комментарий Devendrabuddhi. Но в сущности, этого

недостаточно, потому что все эти тексты, которые я читал и читаю, ни в малейшей степени не отражают всё то обилие споров, которые развернулись при комментировании PV. Уже сейчас удаётся установить 3 главных направления в споре. <...> Мне немыслимо, конечно, сейчас браться за чтение всех комментариев на PV без исключения. Помимо трудностей текста, самого текста-то ведь почти 13 томов. <...> Но всё же я считаю (не знаю, согласитесь ли Вы с этим), что размах работы нужно несколько расширить, хотя бы включением комментариев Хайдуба *tika chen* и Жамьяна *mtha' dpyod*. <...> Хайдуб представляет как раз иную позицию в вопросе, чем Жалцаб – именно позицию Devendrabuddhi и Saakyabuddhi, об этом сообщает Лондол и с этим согласны и ламы. <...> Не знаю, согласитесь ли Вы с этим. Напишите мне, пожалуйста. Это, конечно, замедлит, и очень значительно, темп моей работы, но я считаю лучше выиграть качество. Ведь, в конце концов, здесь можно задержаться и подольше, если работа заставит». По поводу своих планов относительно распределения работы по времени он говорит в заключительной части того же письма: «Как было бы хорошо, если бы Вы приехали. Даже мои ламы все с ума посойдут от радости. Они знают Вас с моих слов и всё спрашивают, не собираетесь ли Вы сюда. <...> Для меня было бы большой радостью, если бы Вы сюда приехали. Потому что когда ещё я Вас увижу – во всяком случае, не раньше января, а вернее, позже, потому что мне по многим причинам лучше здесь поработать подольше».

Востриков продолжил свою работу над «текстами адской сложности» – «Праманавартикой» и комментариями – и в середине тридцатых годов, о чём можно судить по его письмам академику Щербатскому из Осташкова в 1934 г. К сожалению, во время репрессии подавляющая часть рукописей учёного тоже была репрессирована, и нам остаётся только догадываться по косвенным сведениям о его научных свершениях в этой, до сих не исследованной в российской тибетологии, области. Завораживающие масштабы его обзора тибетских философских текстов в единственной изданной после войны книге «Тибетская историческая литература»⁴⁶ позволяют представить достигнутый им высочайший уровень компетентности.

Сам Фёдор Ипполитович, несомненно, принимал в расчёт новые возможности, предоставленные ламами, и был готов включить и в своё рассмотрение новые для себя тексты, обращаясь к ученикам с многочисленными вопросами, адресованными ламам по философским вопросам, например: «Не можете ли добавить мне следующую справку – в первом леу “Праманавартики” упоминается много о *ngeṣ pa niscayo*⁴⁷. <...> Не можете ли Вы попросить **найми эту места** [выделено мной. – М. К.] в “Праманавартике” <...>, а также и из *Rgyal tgsab*'а комментария и из Жамьяна⁴⁸»; «Дебатировали ли Вы с моими вопросами о свободе воли и необходимости? <...> Это очень важный вопрос, продебатыруйте это со всеми ламами основательно и запишите их ответы и ссылки, нет ли по этому вопросу специального сочинения?».

Итак, переписка академика Щербатского с Востриковым и Обермиллером, а также материалы рукописей тех научных работ, которые были связаны с деятельностью сотрудников Щербатского в научных экспедициях, содержащиеся в архивах РАН и СПбФ ИВ РАН, позволяют воссоздать картину развития и преобразования научных планов ИНБУКа и самого Ф.И. Щербатского в результате контактов и

интенсивного сотрудничества с учёными ламами Забайкалья. Недаром Востриков писал Щербатскому про Агинский монастырь: «Моё такое впечатление, что здесь кладёшь тибетской премудрости, и я очень рад, что попал сюда и страшно благодарен Вам за то, что Вы дали мне возможность сюда поехать», а сам Щербатский в работе «Буддийская логика» отмечал монастырские университеты Тибета и Монголии как оазисы «сохранения в неприкосновенности лучших достижений индийской философии в золотой век индийской учёности».

В круг изучаемых материалов, вводимых в научный оборот, в добавление к намеченным классическим индийским текстам по теории познания и по философии махаяны, были включены:

1. Тибетские университетские пропедевтические тексты: по курсам Дуйра – «сводка философских определений и категорий», Лориг – «теория сознания и познания» (психология и эпистемология), Тариг (логика и диспут), Дубта (история мысли) тибетских учёных Чжамьяна Шэпа (из монастыря-университета Делунг), Агван Даши и Чжигмэ Вангпо (оба из монастыря-университета Лаврана);

2. Тибетская комментаторская литература к текстам Дхармакирти (в исследованиях Вострикова) – учёных Гьелцаба, Дарма Ринчена, Кэдуба Чже, ламы Цонкапы, Лондола, Чжамьян Шэпа и ряда других комментаторов – и к текстам по философии мадхьямики (в исследованиях Обермиллера) – Цонкапы, Гьелцаба, Кэдуба Чже.

Результатом этих научных экспедиций, как можно судить по рассмотренным архивным материалам, стали в дальнейшем все работы Вострикова, включая не получившие публикации его доклады в ИНБУКе и статьи и посмертно изданный труд «Тибетская историческая литература»; работы Обермиллера, включающие публикацию тибето-санскритских и санскрито-тибетских индексов к «Абхисамаяаламкаре», пионерскую работу по исследованию учений Праджняпарамиты на основе трактата «Абхисамаяаламкара», перевод «Истории буддизма» Будона, неопубликованные переводы ряда пропедевтических текстов, перевод трактатов ламы Цонкапы по философии Махаяны.

Результаты экспедиций для работы самого академика Ф.И. Щербатского сказались, прежде всего, в работе над «Буддийской логикой». Не говоря уже о том, что текст наполнен результатами выясненных Ф.И. Щербатским у лам-учёных философских тонкостей буддийской теории познания, в текст книги вошли материалы исследований А.И. Вострикова, лёгшие в основу значительной части историко-философского анализа этого фундаментального труда, составившие полностью разделы о порядке глав в «Праманавартике», о трёх школах комментаторов, о буддийской логике в Тибете и Монголии и обзор метода «следствия и основания» *thal-phyir*. Также в состав книги вошла часть переводов Е.Е. Обермиллера⁴⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известия АН СССР. – 1928. – С. 515–519.

² Работы Ф.И. Щербатского «Логика в древней Индии» (1902); «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов» (1903–1909), издания тибетского и санскритских текстов «Nyau-

abindu», «Nyayabindutika», «Nyayabindutikappani» с введением и комментариями (1904–1909, 1916); Тибетский перевод сочинений «Samtannantarrasiddhi Dharmakirti» и «Samtanantarrasiddhitika Vinitadeva» вместе с тибетским толкованием, составленным Агваном Дандар-Лхарамбой (1916).

³ Махаяна – «северная» традиция буддизма – по классификации, исходящей из направлений пространства, и «поздняя» – по классификации периодов введения в обиход текстов этой традиции в самой Индии.

⁴ «Notes de litterature bouddhique. La litterature Yogacara d'apres Boustou» (1905); «О приписываемом Майтрейе сочинении Abhisamayaalamkara» (1907); «Дхармакирти. Обоснование чужой одушевленности» (1922); «The Conception of Buddhist Nirvana» (1927).

⁵ Публикация текста «Sphutartha Abhidharma-kocavyakhya, the work of Yacomitra» (1918); «The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the word "Dharma"» (1922)

⁶ Подробное об истории научной деятельности академика Ф.И. Щербатского см. в статье Б.В. Семичова и А.Н. Зелинского в кн.: *Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму.* – М.: Наука, 1988. – С. 15–41.

⁷ *Щербатской Ф.И. Логика в древней Индии // ЗВОИРАО.* – Т. XIV. – Вып. 3. – СПб., 1902.

⁸ «Saddharma-Pundarika» – «Лотосовая сутра», в переводе Г. Керн (Oxford, 1884); «Buddhist Mahayana Texts» – сборник махаянских сутр, включающий, прежде всего, сутры Праджняпарамиты, в переводе Ф.М. Мюллера (Oxford, 1894).

⁹ *Барадийн Б.Б. Письма к Ф.И. Щербатскому // Архив РАН, ф. 725, оп. 3, № 34.*

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Кожевникова М.Н. Путь к Знанию пути // Буддизм России.* – 1998. – № 29–30.

¹¹ Документация ИНБУК цитируется по делу из архива СПбФ ИВ РАН, ф. 152, оп. 5, № 5.

¹² Комиссия экспедиционных исследований.

¹³ Переписка А.И. Вострикова и Ф.И. Щербатского цитируется по оригиналам в архиве РАН, ф. 725, оп. 3, № 67.

¹⁴ Начальник по дисциплине в монастыре.

¹⁵ Приветственный церемониальный шарф, подносимый в знак уважения в тибетском и монгольском обществе.

¹⁶ Габжу – бурятское произношение тибетского геше, то есть «доктор буддийских наук». Учитель Вострикова – доктор буддийских наук Галдан Жамцарано.

¹⁷ Последний курс в буддийской программе образования, занимающей 10–16 лет. Посвящён монашеской дисциплине.

¹⁸ Терминологический словарь (тиб.).

¹⁹ Тибетский перевод названия «Праманавартика» («Ясное объяснение»).

²⁰ Письма Е.Е. Обермиллера к Ф.И. Щербатскому цитируются по оригиналам в архиве РАН, ф. 725, оп. 3, № 160.

²¹ Индийский буддийский учёный конца VIII – начала IX в., известный комментатор «Абхисама-аламкары».

²² Бурятский учёный-монах, учитель Обермиллера в Забайкалье.

²³ То жизнеописание Будона, которое ещё в 1904 г. добывал для Щербатского Барадийн.

²⁴ Философия (тиб.).

²⁵ Учитель (бурят.).

²⁶ Тантра (тиб.).

²⁷ Бурятское произношение имени ученика ламы Цонкапы – Гьелцаба Дарма Ринчена. Здесь и дальше в письмах употребляются бурятские варианты тибетских имён и названий. В авторском тексте эти же имена и названия приведены в современном варианте собственно тибетского лхасского произношения: вместо Жалцаб – Гьелцаб, вместо Хайдуб – Кэдуб, вместо Шадба – Шэпа, вместо Дзонхава – Цонкапа и т. п.

- ²⁸ «Праджняпарамита-пиндартха» – краткий комментарий на сутры Праджняпарамиты.
- ²⁹ Перевод с санскрита работы по истории индийской философии Вачаспатимишры.
- ³⁰ «Краткий учебник логики» Дхармакирти. Исследовался и переводился Ф.И. Щербатским.
- ³¹ Неопубликованный перевод на английский язык под названием «The Categories of Knowledge» сохранился в архиве СПбФ ИВ РАН, ф. 100, оп. 1, № 16.
- ³² Запредельное совершенство (тиб.). Санскр.: парамита. Имеется в виду Праджняпарамита – «Запредельное совершенство мудрости», то есть махаянская философия пустоты (по Щербатскому, относительности).
- ³³ *Sa lam* (тиб.) – буквально: «ступени и пути», жанр махаянских текстов, систематически излагающих материал Абхисамаяламкары, то есть, в принципе, сводку учения Праджняпарамиты.
- ³⁴ «Семьдесят пунктов» (тиб.) – сводка по Абхисамаяламкаре, то есть обзор материала, содержащегося в сутрах Праджняпарамиты.
- ³⁵ Жизнеописание (тиб.). Имеется в виду перевод жизнеописания Будона.
- ³⁶ *Obermiller E.E. The Doctrine of Prajñā-paramita as exposed in the Abhisamayālamkāra of Maitreya. – [Исследование с примечанием и шестью указателями] // Acta Orientalia. – Vol. XI. – 1932. – P. 1–132. – Vol. XII. – 1933. – P. 334–354.*
- ³⁷ *Scherbatsky Th. Buddhist Logic. – Vol. 1–2. – Leningrad, 1930, 1932. – Серия «Bibliotheca Buddhica». – Вып. XXVI.*
- ³⁸ Философское сочинение Бхавьявивеки, освещающее историю индийской философии.
- ³⁹ По-видимому, ламы отказывались интерпретировать текст, по которому не получали учение и по которому им не известен комментарий.
- ⁴⁰ История философских воззрений (тиб.).
- ⁴¹ Традиции Древней Индии.
- ⁴² Философия срединности (санскр.) – философская школа, ведущая происхождение от Нагарджуны (II–III вв н. э.), отличающаяся своей диалектикой, базирующаяся на сутрах Праджняпарамиты.
- ⁴³ Глава (тиб.).
- ⁴⁴ Автокомментарий Дхармакирти, сделанный им только на первую главу (леу).
- ⁴⁵ Коренной текст, то есть сама Праманавартика.
- ⁴⁶ *Востриков А.И. Тибетская историческая литература. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 427 с. – Серия «Bibliotheca Buddhica». – Вып. XXXII. – В подготовке этого выпуска серии активное участие принимал Ю.Н. Рерих, по инициативе которого «Bibliotheca buddhica» была возрождена после десятилетия репрессий.*
- ⁴⁷ Определённость, удостоверение (объекта).
- ⁴⁸ Тексты, рекомендованные ламами Вострикову.
- ⁴⁹ Из Лориг – «Категорий познания» Жамьян Шэпа, в «Buddhist Logic» во втором томе.